

Ли́ка Постоленко Я и Сици́лия

Пролог Забегая в конец истории

16 апреля 2017 год.

Огромная полная луна медленно плыла по ночным просторам весеннего неба, оставляя бесконечный бронзовый след на сонной глади Тирренского моря. Луна равнодушно взирала на жалкие попытки местного маяка, сравниться с ее неудержимой мощью, и сквозь прозрачное небо, щедро разливала свой холодный свет на гигантскую каменную голову — скалу Ла-Рокка, лениво высвечивая ее крутые каменистые склоны, древние развалины храма Дианы, уснувшие здесь еще с античных времен, и маленькую смотровую площадку над городом, куда, оставив все свои дела, напряженно спешили на встречу друг к другу двое мужчин.

Первым до места добрался белый фольксваген минивен. Из кабины грузно вывалился низкорослый, коренастый итальянец лет пятидесяти, в растоптанных серых мокасинах и малиновом свитере. Заметно нервничая, он

суетливо прошелся по смотровой площадке — плоскому выступу скалы, огороженному невысоким бетонным забором. Отсюда, как на ладони, просматривался весь склон, и сверкающий огоньками город. Вглядываясь изо всех сил, мужчина следил за парой светящихся точек внизу, стремительно поднимающихся по крутой узкой дороге к нему на встречу. Огоньки исчезли, как только машина обогнула противоположную часть горы, но уже скоро, два ярких прожектора осветили пространство, и, вспугнув тишину мощным ревом, к площадке подъехал черный мерседес седан.

Статный широкоплечий брюнет, лет до сорока, одетый в «найковскую» куртку и стильные замшевые ботинки, вышел из машины. Уверенным, порывистым движением он достал из своего багажника потертую вещевую сумку и пружинистой походкой направился к хозяину фольксвагена, крепко сжимая сумку в руке.

В жизни этих совершенно разных мужчин имелось гораздо больше общего, чем им бы хотелось. Две самые могучие силы на земле объединяли их — любовь и ненависть. Любовь к одной женщине и ненависть друг к другу.

— Как Ее здоровье? — с трудом сдерживая дрожь в голосе, громко спросил хозяин фольксвагена, — Я слышал про больницу, что говорят врачи?

— Она в порядке, — подчеркнуто равнодушно ответил брюнет — Все так же не хочет тебя видеть.

— Я никогда не сделал Ей ничего дурного, — зло огрызнулся коренастый.

— Ты обвинил Ее в смерти своего отца, — сверкнул черными глазами, приехавший на мерседесе.

— Никогда!!! — тут же подскочил от возмущения коротыш, — я обвинил Ее мужа, не Ее!

— Ты же знаешь, — безжалостно отрезал брюнет, — для Нее это одно и то же.

На несколько секунд над каменной горой повисло молчание. Брюнет не мигая, рассматривал лицо мужчины в малиновом свитере, а тот только глупо хлопал глазами и бессильно сжимал кулаки.

— Чего ты от меня хочешь, зачем позвал сюда? — наконец заговорил коренастый, не выдержав тягостной паузы.

Молодой мужчина продолжал сверлить его внимательным взглядом.

— Я не хочу делать за тебя то, что ты должен сделать сам, — твердо отчеканил он, и безжалостно швырнул увесистую, туго набитую черную сумку под ноги вспотевшему от напряжения хозяину фольксвагена.

Часть первая

Остров тысячи красок

Вопросы, посылаемые нами во Вселенную, ограничены только нашим воображением. Невероятность же ответов Вселенной — безгранична...

Глава 1

Квантовый скачок

10 апреля 2017 год.

Днепр провожает меня снегопадом. Не легким инеем, или случайным снежком, тающим на ранней весенней зелени, а серьезными лохматыми хлопьями, еще с ночи плотно укутавшими сонные улицы. Снег в середине апреля! Я не помню, когда здесь такое было. Трава и деревья давно проснулись, ранние тюльпаны уже горят красным... а тут, — снег на голову! И все потому, что я лечу в отпуск. За неделю организовала себе поездку, захлопнула рабочий блокнот и входную дверь, и, ни свет, ни заря, уютно досыпаю в машине по дороге в аэропорт. В моей размеренной спокойной жизни случился квантовый скачок, а накрыло весь город.

— Тебе не нужно никуда убегать, мы ведь все решили, — тихо ворчит Сергей.

Он старается хорошо исполнять роль моего друга, но музыкальными пальцами всю дорогу нервно барабанит по черному изгибу руля. Хмурое утро с нечищеными, дырявыми дорогами, забитыми снежной кашей, и такими же, как мы, ранними пташками, ползущими в своих авто след в след в сторону аэропорта, как-то не очень его вдохновляет.

— Я могла бы взять такси, — спокойно говорю ему, — не стоило тебе выбираться из дома в такую рань.

— Мне это не сложно, — упрямится Сергей, — и вообще... Что ты будешь делать одна на Сицилии целых пять дней?

В его бархатном, мелодичном голосе едва слышатся приглушенные нотки ревности.

— Мне нужен отпуск, — изо всех сил я пытаюсь не чувствовать боль внутри другого человека, — хочу отдохнуть и вернуться.

— Вернуться к кому? — угрюмо уточняет Сергей, напряженно вглядываясь в облепленное снегом лобовое стекло.

— Вернуться к себе.

Взять такси, вероятно, было бы лучше. Компромисс «остаться друзьями» и общаться, как в былые времена — очень зыбкая почва, для обретения такой желанной свободы от прошлого. Страх ранить другого человека, парализует

собственные мечты и поступки, а я так не хочу. Больше не хочу компромиссов.

— Почему именно Сицилия? — допытывается Сергей.

Хороший вопрос... Я люблю хорошие вопросы. Они мой основной рабочий инструмент. Хороший вопрос, как пусковой механизм, может взять и встряхнуть вечно сонное сознание, отправив его на поиски истины. Итак, почему же Сицилия? Си-ци-ли-я... Может потому, что даже само произношение этого слова, заставляет меня улыбнуться? Или потому, что это не просто Италия, а какая-то особенная Италия? И там вокруг море. Или мне хочется своими глазами увидеть, как на зеленых деревьях растут алые сицилийские апельсины? В момент, когда я вдруг решила бросить все, и помчаться в отпуск, у меня не было никаких сомнений. Сицилия! Почему? Не знаю. И, это тоже ответ. Вернее, начало ответа. Возможно, его завершение найдется именно там, на итальянском солнечном острове.

Молодая сотрудница местной таможни, туго затянутая в буро-зеленую униформу, согласно образу, строго смотрит мне в лицо.

— Что у Вас в чемодане? — с официальной вежливостью спрашивает она.

— Джинсы, платья, кроссовки, — беззаботно улыбаюсь ей я.

Но девушка не улыбается, она при исполнении. Болотный оттенок ее форменного пиджака делает особо мрачным даже такое молодое и симпатичное лицо.

— Вы одна летите? — тем же серьезным тоном задает таможенница следующий вопрос.

— Абсолютно, — весело отвечаю я.

И, через мгновение, бодро топаю в зону посадки, продолжая мечтательно улыбаться.

Глава 2

От неба до земли

Я ожидала увидеть ее зеленой в шоколаде гранитных скал, а она разноцветная! Дома и деревья частыми веснушками пестрят на теле золотистых гор, темная гладь моря, исцарапанная белыми шлейфами катеров, у прибрежной полосы светлеет до бирюзы, и, перетекая в пенный прибой, соединяется с извилистой каймой рыжего берега. Си-ци-ли-я...

На тесном сидении большого самолета не развернуться, локоть снова цепляет почтенного джентльмена в кокетливо повязанном шарфе поверх полосатого свитера.

— Pardon, — добродушно опережает он меня в учтивости.

Интересно, где западноевропейцы осваивают

мастерство так ослепительно улыбаться
незнакомым людям?

Снижаемся. Можно вечность любоваться
красными пятнышками крыш и голубыми
блюдцами бассейнов на зеленых холмах, но
электронный голос объявляет посадку, и
приходится оторвать горячий лоб от холодного
стекла иллюминатора.

Предвкушение нового путешествия пьянит,
как вино. Кстати, сегодня на борту подавали
неплохое белое. Но дело не в нем. Дело в
наслаждении моментом перед моментом. Как
ожидание первого поцелуя влюбленности —
мгновения замирают, нетерпение смешивается со
жгучим желанием задержать, зафиксировать время
перед началом, по-настоящему насладиться им,
потому что после этого, мир прежним уже не будет.

Шасси готовится коснуться земли. Каждый
раз с волнением жду этот толчок, иногда сильнее,
иногда еле слышно, но всегда распознаваемо —
одно мгновение на смену состояний от неба до
земной поверхности. Прикрываю глаза.
Прислушиваюсь. «Не хочу компромиссов с
прошлым... Хочу любить свое настоящее...»

Последние снежные воспоминания
безвозвратно стираются гулким шелестом
крылатого лайнера, бегущего по залитой ярким
солнцем посадочной полосе.

Итальянцы, шумно встречают своих в зоне прибытия. В воздухе запах кофе и пыли, вокруг люди с табличками, мелодичные эмоции итальянского языка и взгляды. Взгляды здесь доставляют особое удовольствие. В нашем аэропорту, например, бежишь среди таких же бегущих, толкаешься в очередях, но людей не замечаешь. Только табло, дорогу, свой билет. Встретившись с кем-то глазами, обычно отворачиваешься даже когда интересно. Уже инстинкт. А вот в аэропорту Палермо, цепкие глаза туземцев светятся таким живым вниманием, что становится понятно — они не просто смотрят — они тебя видят. И пообвыкнув, ты тоже начинаешь смотреть и видеть людей. Глаза, жесты, их эмоции, их радость, печаль, злость, воодушевление. Именно тогда и начинается — реальное путешествие в другую страну.

Филиппо опаздывает. Говорливая волна схлынула в широкие двери выхода, и, уменьшившись в размерах от величины свободного пространства, я восторженно наблюдаю, как в пыльную пустоту огромного зала, сквозь узкие окна льется солнечный свет.

— Александра!

Приближаясь из глубины помещения, темная мужская фигура, энергично рассекает

перламутровые полоски света.

— Я Филиппо, простите, что опоздал! — тянет руку стильно одетый итальянец, лет слегка за сорок.

Хороший английский, теплая улыбка, добрые, цвета темной сливы глаза — Филиппо улыбается мне, я улыбаюсь Филиппо. Нам обоим явно нравится то, что мы видим.

— Я не тороплюсь, не беспокойтесь, — расплываюсь я благодушно.

— Это весь твой багаж? — быстро подхватывает он ручку моего чемодана.

— Да, я ненадолго, — говорю, а у самой ощущение, что впереди у меня есть целая вечность.

— На сколько дней? Это отпуск или работа? Кем работаешь? В каком городе живешь? К друзьям или к бойфренду? — не смущаясь личными вопросами, итальянец усаживает меня в сверкающий на солнце, идеально вымытый джип.

— Путешествие, пять дней, из Днепра, — смакуя каждое слово, довольно проговариваю я.

— Днепр! Я знаю Днепр, я был там по работе, Днепропетровск раньше — радостно восклицает Филиппо, словно вдруг обнаружил давно забытого родственника, — Хороший город, большой. И моя экс-гелфренд из Украины. Из Каменское, Днепродзержинск по-старому. Она тоже красивая!

Понимающе улыбаюсь. Быть красивой для

украинок, обычная история. И к хозяйству мы с детства приучены, и к кулинарии тоже. Меня, например, каблуки носить и борщ варить учила моя тетка. А была она, не много ни мало — шеф-поваром офицерской столовой в нашей местной военной части. Мария Ивановна ее звали.

— А почему у вас изменили названия городов? — возвращает меня Филиппо в диалог о Днепре и Днепропетровске.

Вздыхаю. Есть ли шанс объяснить итальянцу, почему в Украине периодически переименовывают города? В его стране, как святыню, берегут старину и историю. Идеи каких-либо новшеств в этой области вряд ли переварят их чувствительные итальянские желудки.

— Не знаю, Филиппо, — отвечаю я коротко, в надежде на несколько минут молчаливого наслаждения красивой извилистой дорогой, бегущей между сверкающим морем и золотистыми холмами к маленькому городу Чинези, что рядом с аэропортом.

Но молчание жителю солнечного острова не свойственно, и, уже через мгновение, я рассматриваю фотографию бывшей девушки Филиппо на экране его мобильного. Анна, белокурая молодая женщина с острыми чертами лица, внимательным взглядом, хрупкая, если не считать сильно выпирающий, круглый животик.

— Ребенок должен родиться в июле, — поясняет мой новый знакомый, ловко сворачивая на узкую улочку, ведущую в город, — у меня никогда не было детей, и я не знаю, что будет дальше. Она не хочет жить здесь.

— Почему? — искренне удивляюсь я, рассматривая колоритную красоту за окном и симпатичного итальянца рядом.

— Не, знаю, — пожимает он плечами и весело заявляет, — хорошо, что ты психолог, мне как раз нужен психолог!

— Психолог, Филиппо, нужен всем, — отшучиваюсь я давно привычной фразой.

Глава 3

Привет, Чинези!

Она пахнет морем! С первых вдохов понимаешь, что никогда раньше не слышал подобный запах. Это потому, что каждое море пахнет уникально. Если вы, как и я, прибыли сюда из индустриально-задымленного мегаполиса, вам с первых же глотков сладко-соленого сицилийского ветра захочется пить его запоем. А потом, как ни странно, вам захочется спать. Переизбыток кислорода сделает свое дело, и в первые пару дней, вы будете ощущать легкую сонливость днем, а по ночам спать, как младенец.

Нас встречает тихая улица, стайка детей с велосипедами вдоль дороги, по обе стороны которой, высокие заборы, скрывшие добротные дома местных жителей. Выгружаемся. Под скрип массивных ворот, навстречу бежит маленький терьер, дает себя погладить, и, задрав хвост, семенит вперед, провожая к большому двухэтажному дому. Мы идем сквозь широкий двор, уставленный огромными горшками с цветущими деревьями. Справа под пальмами полукругом стоят изящные столики для отдыха, слева ждет лета еще пустой ярко-голубой бассейн. Со стороны террасы слышится приятный запах выпечки. Даже жаль, что я здесь только проездом.

По цветному мозаичному полу мы топаем в просторный холл.

— Я сделаю тебе скидку за комнату и трансфер, — Филиппо со знанием дела усаживается в кресло на рецепции.

— Спасибо, а почему? — прищуриваюсь я.

— Мне нравится Украина и твой город. Может, когда-нибудь я буду в Днепре, и ты угостишь меня кофе.

Подозрительно рассматриваю хозяина — это у них культура гостеприимства такая, или он между делом решил склеить туристку? Или мне повезло и передо мной просто хороший человек? Бывает всякое...

— Ого, ты выглядишь гораздо моложе, — комментирует Филиппо подробности моего паспорта.

— Ага, я давно большая девочка, — довольно улыбаюсь я.

— Но, я больше, мне сорок пять, — объявляет добродушный хозяин, и по-детски радуется удивлению на моем лице.

Возраст... Порой любопытно, кто первым заговорит — человек о возрасте, или возраст о человеке. Лично я люблю свой возраст. Я всегда его любила. И он всегда отвечал мне взаимностью.

Любая дорога утомляет. В уюте большой двуспальной кровати мое тело ищет отдыха, но глаза, не желая закрываться, хотят новых впечатлений, изучают фото скалистого побережья в массивной рамке над столом, теплые оттенки высокого потолка и плавные изгибы тяжелых штор на окнах. Изысканность, даже в мелочах. Как никому, итальянцам без труда удается гармонично сочетать яркие краски с нежными оттенками, простые, четкие формы с изысканной, театральной подачей.

Будничный продукт цивилизации не дает расслабиться, wi-fi шлет сообщения колокольным звоном: «Дочь, почему ты мне не сказала, что едешь в отпуск?», «Мамуль, как ты добралась?»,

«Подруга, надеюсь, Сицилия встретила достойно?», «Александра Андреевна, мне нужно срочно с Вами поговорить...» От Сергея ничего. Прислушиваюсь к себе — у меня тоже ничего. Не откликается. Только банальный вопрос из старой песенки: «Почему умирает любовь?» снова всплывает в памяти.

Вопрос простой и абсолютно риторический, поскольку ответ на это «почему» никому, собственно, и не нужен. Какой смысл искать причины, если это конец? Пытаться воскресить то, что умерло? Или причины смерти любви стоит выяснить, чтобы в дальнейшем учесть их для сохранения любви будущей? Если у кого-то это сработало, жму руку. А мне такое видится бессмысленным перетаскиванием старых пятен на чистый лист — никогда содержание новой страницы не станет лучше от прошлогодних клякс.

Но этот вопрос мои клиенты задают чаще всего. Звучит вопрос всегда по-разному: «Он меня бросил...», «Она мне изменила...», «Мы больше не спим вместе...», «Я хочу, чтобы он...», «А почему она...». Эмоциональные откровения в красках описывают жизненные проблемы, но большая их часть не связана со «смертью» любви. Яркость эмоций, переживания, желание докопаться до сути и найти возможность все изменить — говорит о том, что любовь «заболела». Да, такое бывает. Любовь зачастую хрупка и болезненна, но если это

любовь, то она может быть живучей, как кошка, с ее девятью жизнями.

Мертвецы не болеют, и, если любовь больна, значит жива. Выяснив это, мы с клиентом отправляемся искать причины и лекарства. Вернее, клиент отправляется на поиски, а я иду рядом и веду его за руку в то место, где спрятаны ответы на все его вопросы — в его душе. Человек может найти их только там, внутри себя, потому что нет никакого другого места, где живет любовь.

Тех же, кто приходит с реально ушедшей, умершей любовью, отличает печальное внешнее спокойствие. Они не эмоционируют, не суетятся, не стремятся что-то изменить. Они только отчаянно хотят избавиться от боли, причиняемой глубокой внутренней пустотой, словно туман, застилающей в их душах свежесожженные поля несбывшихся надежд и прошлых радостей. И я помогаю им пережить потерю, то тягостное время, когда логичный разум уже понимает, что на пепелище, рано или поздно снова заколосятся травы и цветы, но трепетная душа еще печалится и боится затеряться в потемках вязкой пустоты, в глухом и хриплом: «Больше ничего нет...».

— Ты голодная? — кричит Филиппо из коридора, — Я позвоню в ресторан моего друга, тебя там вкусно накормят, я отвезу!

Вот, как чувствовал.

Благодарно выкрикиваю согласие сквозь закрытую дверь номера, и позволяю всему, что со мной происходит, просто происходить.

Сицилийские апельсины ярче, сочнее и кислее обычных. А сицилийские апельсины, приправленные оливковым маслом, перцем и чесноком — это нечто. Сейчас это мой гарнир к роскошным средиземноморским креветкам, запеченным на гриле. Все картинно выложено на тарелке, и подано под приглушенные звуки итальянской музыки, лично большим и важным шеф-поваром. Лысый, с пиратской бородкой, необычный и изысканный, под стать своему ресторану, он по-дружески обменялся с Филиппо несколькими фразами, подарил мне лучезарную улыбку во время рукопожатия, и величаво удалился.

— Александра, я хочу попросить тебя об услуге, — Филиппо активно накручивает на вилку свои зеленые спагетти, — по возвращении в Украину, передать от меня немного наличных денег для Анны.

Я с трудом отрываю взгляд от живописного блюда в моей тарелке, и вопросительно смотрю на итальянца.

— Мы больше не вместе, но ребенок скоро родится и ей нужно хорошо питаться, — печально и

с нежностью поясняет он, взволнованно расправляя рукой складку на клетчатой скатерти.

— Буду рада тебе помочь, — легко соглашаюсь я.

Мне нравится, как он заботится и как говорит об этой женщине. И даже, когда он не говорит о ней, он с трепетом о ней думает.

— Анна жила здесь со мной, и я был счастлив. Когда узнал, что стану папой, честно говоря, растерялся. Для меня это что-то новое. И возраст уже такой, знаешь, эгоистичный, все в жизни сложилось, успокоилось, больших перемен не хочется.

— Ты сказал ей об этом? — интересуюсь я.

— Нет, — трясет головой Филиппо, — Я долго думал, но потом понял, что хочу этого малыша. И чтобы он был похож на меня, и был веселый, как Анна. Я сказал, что люблю их обоих.

— Что же произошло? — спросила я, удовлетворенно отставляя в сторону опустошенную тарелку.

— Мы даже не ссорились. Анна вдруг стала грустной, редко выходила из дома, и однажды сказала, что хочет вернуться в Украину. Я подумал — просто скучает, а она собрала свои вещи и улетела. До сих пор не могу понять почему.

Он действительно не понимает, я вижу это в его темно-сливовых глазах. Он злится, чувствует

себя брошенным и не понимает.

— Александра, я уже тоже, как ты выражаешься, большой мальчик, но женщины для меня, по-прежнему загадка. Вот, ты? Ты красивая, можно сказать очень. Нет, правда, — Филиппо жестом останавливает мой протестующий смех, — не смейся, здесь женщина с белой кожей, стройной фигурой и такими рыжими как у тебя волосами — большая редкость. Это красиво. И очень необычно, что такая женщина, как ты, путешествует в одиночестве. Почему?

Увы, для моей страны — это тоже необычно. Как, наверное, для любой другой. Так повелось, что путешествующий в одиночку мужчина — это нормально и всем понятно. А вот женщина без сопровождения — это странно. И даже подозрительно для большинства обывателей. Словно, в отличие от мужчины, женщина сама по себе неполноценна, а женская состоятельность и нормальность обнуляется, если с ней рядом не присутствует кто-то еще.

Официант снова разлил в бокалы желто-хрустальное Пино Гриджо. От сверкания многообещающей жидкости сразу захотелось стряхнуть феминистические мысли про горькую несправедливость со своей рыжей, слегка опьяневшей головы. На самом деле, получив жизнь в подарок, глупо критиковать устройство мира —

«будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях». Да, и кто сказал, что быть другой — необычной и странной — это плохо?

— Ты приехала сюда, чтобы найти итальянского бойфренда? — простодушно выдает Филиппо очередной личный вопрос.

Я снова смеюсь. Это правда, весело. Лучшим ответом могло бы стать — «да». А, что? Ребенок выращен, карьера построена, отношения разрушены. Самое время, отправиться в Италию, найти себе горячее сицилийское счастье в лице влюбленного аборигена и жить с ним долго и счастливо. Но легких путей мы не ищем, и мой ответ на вопрос Филиппо: зачем отправляться одной так далеко, где меня никто не знает, где все отличается от привычно ограниченного жизненного пространства, в рамки которого я сама себя давно загнала, где многое непонятно и впервые, где я могу общаться, а могу нет, могу быть такой, как захочу, делать, что хочу, говорить, что хочу, а не то, что от меня ждут другие, и иметь время только для себя... Такой ответ мне в одно слово не вместить.

— Нет, Филиппо, я приехала сюда отдохнуть. И успокоиться. У меня в последнее время было много стрессов и на работе, и дома, поэтому хочется просто побыть одной.

По выражению лица Филиппо вижу, что он не очень-то понимает, о чем я ему толкую, да и вряд

ли особо углубляется.

— Но у тебя есть бойфренд? — не унимается он.

— У меня был бойфренд, — отвечаю я.

— Вот! Мы в этом оба похожи — у нас обоих бывшие, — победно заключает Филиппо, — я тоже безуспешно пытаюсь успокоиться с того времени, как Анна ушла от меня.

— Но ты пытался ее остановить?

— Конечно! Я говорил, что хочу быть только с ней, — грустно говорит итальянец.

— А она?

— Она сказала, что любит меня, но решила, что будет жить у матери. Думаю, ей просто надоел мой дом, мой маленький город, — с болью рассказывает он, уставившись в глубину своей кофейной чашки.

Печально. Филиппо по уши увяз в своих эмоциях, и не видит никакого выхода из сложившейся ситуации. А я, слушая его историю со стороны, уже ясно для себя представляю, каким простым могло бы быть решение проблемы. Но, я в отпуске. Я молча сижу напротив и ем свой десерт.

— Сейчас я скучаю, — продолжает Филиппо, — и она скучает. Я каждый день пишу: «Приезжай ко мне!», а она в ответ только шлет мне фотографии. Эту сегодня прислала.

Улыбающаяся беременная женщина с

телефонного экрана нежно демонстрирует большой круглый животик. Женщина, из бесперспективного, рабочего городка Восточной Европы, отказавшаяся от жизни с успешным и привлекательным отцом своего ребенка, в одной из красивейших стран мира.

Раннее утро пахнет сдобой. Щурясь от яркого света, я шлепаю в тапочках напрямик на залитую солнцем террасу позавтракать в окружении зеленых пальм и полюбоваться бездонным небом.

Свежие фрукты, джем, сыры, ветчина — Филиппо хлебосольный хозяин, не считая ни калорий, ни минут, мы с милым терьером наслаждаемся едой и погодой.

Похоже в доме туристка я одна. И на рецепции было пусто, и на террасе сейчас никого. Преимущество последних дней межсезонья: уже тепло, но путешественников еще не много, нет чемоданной суеты, шумных соседей. Только неспешное течение местной будничной жизни вокруг. Слышно, как за забором изредка жужжат мотоциклы и машины, вот хрипло открываются ворота, и во двор заезжает небольшой старенький грузовик с двумя крепкими рабочими. Они на итальянском выкрикивают что-то друг другу, и, вооружившись инструментом, спрыгивают в пустой бассейн. Подготовка к лету идет своим чередом.

— Бонжорно! — приветствует меня Филиппо, энергично пересекая широкий солнечный двор, — Как тебе завтрак?

В черных джинсах и ярко-синей футболке он выглядит спортивно, и в то же время по-деловому.

— Великолепно! — благодарно кричу ему в ответ.

— Кушай побольше, а то ты слишком тонкая, — весело кричит он мне.

Смотрю на сегодняшнего Филиппо — серьезный, подтянутый, полный энергии, ловко распоряжается на личных владениях с правом опытного хозяина. Думаю, он будет хорошим отцом своему малышу.

А моя душа расправляет крылья навстречу морю и маленький феат уже ждет за воротами, чтобы отвезти на станцию.

— Позвони, перед возвращением, я заберу тебя с вокзала если будет нужно, — весело улыбается Филиппо, глядя, как я самозабвенно тискаю сытое брюшко маленького терьера на прощание.

— Оккей, в ночь перед отлетом я снова здесь, — протягиваю ему руку.

Он горячо трясет ее, секунду молчит, и все же решается:

— Александра, объясни мне, пожалуйста, как психолог, почему Анна не хочет быть со мной? —

наконец-то выдает он давно приготовленный вопрос.

Снова всматриваюсь в сливовые глаза итальянца. Я уверена, Анна хочет быть с ним. Но животик рос, а виза заканчивалась. Ей становилось все тяжелее поспевать за активным образом жизни любимого, встречать любопытные взгляды соседей, продавцов местных лавок, присматривающихся к ее тяжелеющей фигурке, выдерживать мамины звонки, с постоянным: «Что ты себе думаешь?». Это было совсем не то, о чем могла мечтать молодая славянская женщина — беременная иностранка, поселившаяся в доме своего бойфренда. А говорить прямо о своих мечтах и потребностях славянская культура нашим женщинам не рекомендует. «Сам поймет, если любит», — спасибо мамам за иллюзии.

— Как психолог, Филиппо, я бы заставила тебя работать и копать в себе до тех пор, пока бы ты сам не нашел ответ. И взяла бы за это кучу денег, — весело заявляю я новому другу.

Филиппо передергивает плечами, и снова становится похожим на себя вчерашнего — трогательного и растерянного.

— Но, я скажу тебе не как психолог, а как женщина, — продолжаю я серьезно, — это свободной барышне нужен хороший друг и любовник. А беременной женщине нужен муж.

Мой итальянский друг, глядя на меня, часто захлопал глазами.

— Филиппо, не зови Анну жить с тобой — она не приедет. Позови ее замуж. И она согласится.

Глава 4

Когда-то, на склоне горы

В их семье детей было четверо: два старших брата-близнеца, младшая сестренка Аннета, и он, Маро, средний ребенок, родившийся в самый канун нового года.

Семья жила бедно, по крайней мере, так ему запомнилось. С момента своих первых осознаний, маленький Маро часто задавался вопросом, зачем люди рожают по многу детей в бедных семьях? Если у них нет возможности сделать всех своих отпрысков равно счастливыми, почему так безжалостно выпускают на свет малышей, вынужденных грустно проводить детство в постоянном ожидании своей очереди, дожидаясь желаемого. Они не голодали, их нехитрая одежда была не в лохмотьях, но ограниченные сладости и радости доставались в первую очередь крошке Аннете, потому что она младшая, потом братьям-близнецам, они старше и сильнее, а ему, среднему сыну, перепадало всегда совсем немного. Даже подарками в его день рождения и на Новый

Год Маро был обделен — вместо двух подарков, он получал только один, потому что даты этих праздников совпадали.

Братья-близнецы росли черноволосыми, голубоглазыми красавчиками. Им повезло унаследовать привлекательную южно-итальянскую внешность от мамы, которая родилась и выросла здесь, в Чефалу, в их старинном маленьком городке на побережье. Младшая сестренка была всеобщей любимицей, никто не мог оставаться равнодушным, глядя в ее милое, жизнерадостное личико. А вот Маро больше всех походил на отца.

Папа был родом из Леонфорте, небольшого сицилийского города, расположенного в глубине острова. Его родители когда-то перебрались туда из Генуи. Отец остался в памяти Маро грузным, невысоким человеком, любившим поворчать, выпить, и периодически повоспитывать сыновей в жесткой манере. Он был рыбаком, все время пах рыбой, и носил одни и те же штаны много лет, несмотря на постоянные сетования матери, что ей стыдно перед соседями за внешний вид мужа.

— Я рыбак, выгляжу как рыбак, и плевать на твоих соседей! — басил по вечерам отец сквозь закрытую дверь гостиной.

— Это и твои соседи тоже, — не унималась мама, — подумай о наших детях! Не хватало, чтобы они, как ты, научились выпивке, и стали неряхами!

— Они должны научиться работать и уважать меня, остальное не их ума дело! — рычал в ответ отец.

— Ты всегда печешься только о себе, — возмущалась мама, — ты никого не любишь, ни меня, ни детей, зачем я только согласилась выйти за тебя замуж!

— Ты согласилась спать со мной, и умоляла жениться, когда забеременела! Так, что помалкивай, или ищи себе другого мужа! — грохотал кулаком по столу отец.

Так, обычно, заканчивались их вечера.

Дом семье достался от маминых родителей. Старый дом, на склоне горы, продуваемый всеми ветрами в период зимних холодов. Но зато вокруг, на зеленой лужайке росли апельсины, летом их можно было есть прямо с деревьев. И с любой точки двора можно увидеть море.

Море неотступно сопровождало всю их жизнь. Оно каждый день рассказывало о своем настроении, меняя оттенки. В моменты радости море посылало на гору отблески солнечных лучей, а когда становилось злым, отправляло туда сырой холодный ветер с привкусом соленых брызг. Когда море грустило, наступала такая тишина, что казалось весь мир замер в ожидании, а в моменты мечтаний тихий прибой пел лучшие на свете колыбельные песни.

В один из таких мечтательных тихих дней, наступающих обычно сразу после сурового шторма, в дом пришла весть, о том, что море забрало их отца. Заскучав в непогоду, и, как поговаривали в порту рыбаки, изрядно набравшись, его отец вывел рыбачий баркас прямо в надвигающийся ураган, и больше не вернулся.

Маро тогда было восемь. Все, что малыш запомнил об отце — это запах рыбы, старые засаленные штаны, подзатыльники, щедро отвешиваемые ему и братьям, и его хриплый бас, в редкие минуты отцовского внимания: «Ну, хоть ты в мою породу, не то, что эти вертихвостки смазливые».

В день похорон во дворе собралось много знакомых и незнакомых людей. Все подходили к маме и утешали ее. Она была печальной. Маро тоже хотелось подойти, но он боялся нарушить непонятный ему, мрачный ритуал взрослых людей, одевшихся в черное, которые медленно, от группы к группе, передвигались по двору и тихо, угрюмо переговаривались.

Прислонившись к стене их дома, Маро смиренно стоял, перебирая мелкие камешки, внутри карманов своих потертых штанишек, когда какой-то старик подошел, и, внимательно его разглядывая, обратился к матери.

— Я забираю толстяка, он похож на сына, —

проскрипел старик таким же хриплым, как был у его отца голосом.

Так Маро познакомился со своим дедом по отцу.

Он медленно и тоскливо собирал свой рюкзачок в их общей детской комнате. Маленькая Анетта бегала вокруг, а близнецы радостно делили между собой его освобождающуюся кровать.

— А почему мне нужно с ним ехать? — со слезами на глазах спросил Маро у мамы, как только та вошла.

Мама присела на кровать.

— Малыш, он твой дедушка, он позаботится о тебе. Одной мне вас не вытянуть, — сказала она.

Маро заплакал. Мама крепко обняла его и прижала к себе. Так крепко и горячо, как больше никогда в его жизни.

Он хорошо помнил долгую дорогу до Леонфорте в большом дребезжащем грузовике, и как старая, ссутулившаяся женщина безрадостно отвела его в просторную комнату со столом и кроватью, сказав, что теперь он будет жить здесь.

Дед с бабкой исправно кормили его безвкусной едой, которую ели сами, следили, чтобы он каждый день убирался в комнате и вовремя ходил в школу. В их пустынном, большом доме царили тишина и медлительность, такие непривычные для Маро, но зато, теперь у него была

своя отдельная комната, и здесь он был единственным ребенком.

Но, Маро скучал. Скучал по маме, по морю и даже иногда по братьям и малышке Аннете.

— У нас тут не курорт с аттракционами, — возмущался дед по вечерам за ужином, глядя на заплаканное лицо внука.

— Не трогай, его, пусть привыкает, — слабо вступалась бабушка, — ты, Маро, ешь, учись и слушайся — нам лишние хлопоты здесь не к чему, — назидательно поучала она.

Маро разрешалось навещать дом на горе только на летних каникулах, при условии, что учебный год будет закончен без двоек. Он не блистал особыми способностями, но каждое утро исправно плелся в школу.

Через пару лет его мать повторно вышла замуж. Ее новый муж оказался успешным человеком, и, вскоре, дом на горе расцвел, а вместе с ним расцвела и жизнь его семейства. Но теперь Маро участвовал в этой жизни только как летний гость, приезжая на каникулы. С каждым годом ему становилось все труднее бывать там. В окружении веселых, хорошо разодетых родственников он чувствовал себя посторонним, а они все меньше и меньше замечали его. Сестра и братья были заняты собой, для отчима он был чужим, а мама... Мама старалась для него, как могла, даря заботу и

внимание, каждый раз, словно на год вперед. Но иногда Маро замечал, что мама смотрит на него так, словно он напоминает ей о чем-то горьком и безрадостном.

Маро был похож на отца. Это не уставали повторять вся родня и соседи. Знакомые парни не слишком рвались предлагать ему свою дружбу, а девушки дарили только несколько секунд удивления, в момент, когда узнавали, что этот низкорослый, заносчивый парень — родной брат красавчиков-близнецов Сорано.

Когда Маро исполнилось семнадцать, он сообщил всем, что больше не поедет в дом на горе. Он останется проводить лето в глубине острова, без моря, без родни, с пресной едой дедушки и бабушки, но единственным внуком и наследником в их доме.

И никто не стал его отговаривать...

Глава 5

Чефалу. День первый

От Палермо до Чефалу ехать на поезде, чуть больше часа. За окном мелькали заурядные жилые постройки, примостившиеся у подножья горных округлостей, невысоких, похожих на большие холмы. А по другую сторону дороги, соблазнительно поблескивало море. Я вышла на

ничем не приметной, маленькой железнодорожной станции. Здесь несколько подростков в банданах, тихо сидели, прислонившись к стене, прямо на полу вокзала. Парочка старичков отдыхала на лавочке у входа. Молодой мужчина в пиджаке торопливо промчался мимо меня на перрон, и исчез в тут же тронувшемся вагоне. Вот и весь здешний народ. Больше мне никто не встретился. Я перешла на другую сторону улицы, согласно указанного мне гуглом маршрута, осмотрелась по сторонам, и, сжав в руке карту, отправилась на поиски отеля.

Прошло полчаса. Колеса моего чемодана устали биться о мелкий булыжник тротуара, а узкая улица все тянется вверх. Жадность всегда наказуема. Особенно жадность по отношению к себе. Железно! Я вчера позаботилась о трансфере из аэропорта, и день сложился отлично. А здесь, сегодня понадеялась на описание отеля: «Самое удачное месторасположение: в центре города, рядом с вокзалом, в пяти минутах от моря». Вранье! Я топаю по этой улице второй километр, но ни отеля, ни моря. О чем только думают владельцы, которые откровенно врут в описании своих отелей? Все равно же приедешь, и все увидишь собственными глазами. Странное первое впечатление о городе... Вдоль узкой дороги, ведущей вверх от станции, многоэтажки плотно прижаты друг к другу, словно я иду по каменному

тоннелю — стены с обеих сторон, булыжная мостовая под ногами, и, где-то далеко, синяя полоска неба над головой. На первых этажах, притихшие магазины и кафешки, в большинстве своем еще закрыты. Может, обед? Но, мне срочно нужно найти wi-fi и кофе. Всезнайка Гугл, выдавший карту города, как-то невнятно объяснил мне дорогу к отелю.

— Ciao! — радостно кричит через стойку бармен наконец-то попавшегося на пути открытого заведения.

— Hi! — я счастливо улыбаюсь, обнаружив жизнь в городке, и устало опускаюсь на красный пластиковый стул.

Осматриваюсь. Совсем тесное, квадратов двадцать, помещение, и, тем не менее, есть все, что нужно — сверкающий стеклом и хромом, маленький бар, четыре небольших пластиковых столика вдоль светлой стены, в конце виднеется узкая дверь с табличной «CW» и, даже подозреваю, что за стойкой бара есть кухня.

А вот Wi-fi у них нет... Увы. Зато, есть кофе, а кофе — это уже почти все. Я не раз убеждалась, что в любой местности и в любой сезон, у итальянцев найдется местечко, где можно выпить хороший кофе, и этот кофе будет одинаково отменный, как в дорогом ресторане, так и в простой провинциальной кафешке.

Под громкое урчание кофе-машины любезный молодой бармен в ослепительно белой рубашке с закатанными выше локтя рукавами, трясет своей аккуратно подстриженной головой:

— Я знаю здесь все отели, Сеньора, но никогда не слышал об отеле «Питто». Может он совсем новый, и никому не известный? — медленно и осторожно проговаривает итальянец английские слова.

На его левом предплечье вытатуирована большая красная рыба с крючком во рту, на фоне синей, крутой волны. На мой взгляд, не очень подходящий для такого парня рисунок. Он производит впечатление романтика, а тату довольно brutальное. Но, похоже, рыба ему нравится, и он с удовольствием демонстрирует ее мне, теребя мою распечатку с картой города.

— Где вы это взяли, Сеньора? — улыбчиво спрашивает он.

— Это Гугл, — гордо отвечаю я.

Станный вопрос, видно же, обычный лист бумаги с распечатанной на нем картой из интернета, я же турист.

— Хотите заказать десерт? — возвращает мне татуированный бармен листок, давая понять, что здесь он помочь ничем не может.

Десерт, пожалуй, кстати, я проголодалась. Прислушиваюсь к его совету и заказываю «banana

la grilia» — банан на гриле. Звучит аппетитно, и, думаю, будет отлично сочетаться с их душистым эспрессо.

Тут же, из недр барной стойки выныривает еще один парень, в шоколадного цвета переднике, с черной, аккуратной бородкой вокруг подбородка. Я не ошиблась, там точно есть кухня!

— Сеньора заказала banana la grilia, — игриво подмигивает ему бармен.

Абориген в переднике, как-то странно на меня косится, и, кокетливо хихикнув, снова скрывается в глубинах своего бара.

Через пять минут этот «Банан на гриле» был подан мне с таким пафосом, что подмостки наших местных театров рыдали бы, если бы видели.

Смотрю. Обычный банан в центре большой белой тарелки, запеченный и политый шоколадом. Пахнет потрясающе, а выглядит... Если включить воображение — выглядит, как любой банан — в форме фаллического символа. Но, после запекания, уже не тот, не так сексуален, словно опустошен и нуждается в полном восстановлении сил.

Вот, значит, почему они хихикали! Ладно, эдакими кулинарно-эротическими фантазиями мне сейчас аппетит не испортить. Под пристальными взглядами со стороны барной стойки, я выключаю воображение, и ем. Я голодная. А в моей тарелке, уважаемые, не уставший фаллос, а обычный

запеченный банан.

— Вам понравилось, Сеньора? — слишком откровенно заглядывает мне в глаза романтический татуированный бармен.

Вот, мне интересно — сколько женщин, могло бы сладко хихикать, если бы им удалось как-то соорудить образ уставшей вагины на тарелке?

— Очень понравилось, мой друг, — благосклонно хвалю я еду.

Но юный бармен так пристально и так трогательно на меня смотрит...

Ок-кей! В ответ я слегка приподнимаю бровь, и томно растягиваю широкую улыбку на прощание.

— Я буду очень рада, Сеньор, если мы завтра с Вами все это повторим, — многозначительно я понижаю голос, почти до шепота.

Чирк... И вот, во взгляде молодого мужчины взрываются искры. А я ухожу. И оставляю наивное ожидание в его распахнутых, горящих глазах. И хихикаю себе под нос.

Глава 6

Жизнь и бизнес на пятом этаже

Маро ненавидел свой почтовый ящик. Даже боялся его. Узкая, черная ячейка, из горла которой каждый день появлялись неприятности. Счета, штрафы за парковку, жалобы, напоминания о

долгах по кредитам, снова счета. Расходы, расходы... Расходы — это неприятности. У него портилось настроение всякий раз, когда в этой железной коробке поворачивался маленький, непослушный под его пухлыми пальцами, ключик.

Почему он должен платить государству за воду, текущую неограниченно в его стране? Он живет на острове, окруженном водой! Почему нужно отдавать свои кровные деньги, на непомерные налоги? Что сделало для него государство? Ничего! Он сам добился всего в этой жизни. Сам организовал свой бизнес. Ему никто не помогал, все только мешают! Скоро придет время, когда государство будет драть с него деньги за воздух, которым он дышит.

Недовольно отфыркиваясь, он медленно поднимался на последний этаж многоквартирного жилого дома к своему новоиспеченному отелю, а точнее квартире, комнаты в которой он переоборудовал под сдачу туристам.

Он гордился своей новенькой вывеской, установленной над входом, и еще больше, гордился собой. Конечно, это не дом на горе с апельсиновой лужайкой, но Маро был очень доволен тем, как распорядился деньгами скромного наследства дедушки и бабушки. Теперь у него есть и свое жилье, и свой бизнес.

— Сеньор Маро, туристы из третьей комнаты

увезли новое полотенце, — с озабоченным видом в коридор вышла его горничная Симона.

Чертовы люди... Они приезжают сюда и ведут себя как свиньи. Развлекаются, сорят деньгами, мнут его простыни, портят мебель, в то время как он изо дня в день работает не покладая рук, наводит здесь блеск и чистоту, кормит этих прожорливых чужеземцев, без сна и отдыха, не имея ни малейшей благодарности с их стороны.

Горничная Симона всегда заискивающе улыбается. Глядя на нее Маро всякий раз напоминал себе, как дешево обходятся ему ее услуги. Это делало Симону чуть привлекательнее в его глазах. Она некрасивая. Все, конечно, относительно, и если разобрать эту женщину на отдельные части, то некоторые из них можно назвать вполне сносными. Худощавая, грудь имеется, длинные черные волосы, собранные на затылке в жесткий пучок, большие пухлые губы. Вот только сочетается все это в сутулую, вульгарного вида конструкцию, с сухой, серой кожей курильщика и грубым, хрипловатым голосом, почти басом.

И все же, она единственная женщина в мире, которая смотрит на него с такой собачьей преданностью, что, не будь Симона настолько отталкивающей, он, возможно... Нет, конечно, он не женился бы на ней ни при каких

обстоятельствах. Горничная не сможет стать его сеньорой. Теперь бизнесмен, частный владелец, он свяжет себя только с достойной, образованной женщиной, чтобы все, наконец, увидели. А эти нищие шлюхи и алчные стервы, которые только и хотят заграбастать его деньги, зря стараются! Никто ничего не получит.

— Что там осталось после завтрака? — ворчливо спросил он, надеясь перекусить.

— Они съели все, сеньор, — усердно отчитывалась Симона.

— Как все?! — выругался про себя Маро, — Я же вчера привез недельный запас круассанов и сыра.

Прав был дед — люди думают только о том, чтобы поиметь тебя. Не стоило ему уходить так рано. Этих туристов нельзя оставлять без присмотра ни на минуту. Плохой день, плохой месяц. Всего одна комната заселена, расходы не окупятся, а он с лихвой потратился на рекламу, фотографа, новые занавески и эту чертову кофе-машину, которая стоит половину мерседеса.

Ну, ничего, придет сезон, и они ему за все заплатят. Они в очередь будут к нему становиться. Страница на «Букине» (прим. Booking — международный сайт бронирования отелей) выглядит шикарно, фотограф содрал три шкуры, но дело свое знает. Бонусы за верхние позиции в

поисковике тоже обязаны принести свои плоды. Он все наверстает. Расплатится с долгами, начнет получать доход и, наконец-то, вздохнет спокойно. Правду говорят — после пятидесяти жизнь только начинается!

— Симона! Не шуми, я буду у себя, — процедил он, проходя мимо горничной в свой офис, и поморщил нос — вечно эта женщина курит дешевые, вонючие сигареты.

Бывшая кладовка, в которой теперь стоял маленький стол для бухгалтерии, стеллажи с бельем для номеров, гладильная доска и кровать — это и был его офис. А также, место, где он жил. Маро заперся изнутри. Не разуваясь, устало повалился на узкую кровать. Через минуту он уже храпел.

Ему снова снилось море... Мама держит его маленького на руках, они тихо сидят в качающейся на больших волнах лодке и напряженно смотрят, как отец ловит рыбу...

— Папа, можно мне тоже вытащить, хоть одну? — тоненьким голоском просит Маро.

— Успеешь! Еще тошнить тебя будет от этой рыбы, — сердито ворчит отец.

— А можно сейчас? — продолжает просить малыш.

— Нельзя, не видишь — шторм вокруг! — резко отвечает папа.

Малыш Маро, крепко прижимается к маме, со

страхом смотрит, как обветренные, почти черные от загара руки отца тянут из воды бурые сети, как плещется и бьется о хрупкое дно холодная скользкая рыба. Много рыбы. Много выпученных рыбьих глаз и разинутых ртов, хватающих воздух. Рыба бьется все сильнее, удары становятся все громче, глухой нарастающий звук поднимается в небо...

Симона неистово колотит в его закрытую дверь.

— Сеньор Маро! Сеньор Маро! — истошно кричит она из коридора.

— Что еще надо?! — хозяин «Питто» еле заставил себя стаяться с кровати.

Часто хлопая глазами, чтобы хоть как-то навести резкость, он сонно вывалился в коридор, и удивленно уставился на незнакомую рыжеволосую женщину с красивым и очень недовольным лицом.

Глава 7

Добро пожаловать!

— Про отель «Питто» я, к сожалению, ничего не знаю, но нужный Вам дом — вон там, на самом верху улицы. Пятиэтажный, — не снимая с головы мотоциклетного шлема, проговорил любезный незнакомец, и помчался дальше.

Не нравится. Мне не нравится ни город, ни

отель. Да и не отель вовсе — обычная квартира обычной пятиэтажки на верхнем этаже. Протащиться сквозь всю улицу с чемоданом, и увидеть подъезд без лифта — это уже чересчур. Владелец здесь, вообще отдельная история — пожилой коренастый итальянец маленького роста в мятой одежде, с круглыми, сонно хлопающими глазами и заносчиво выпяченным подбородком. Вишенка на торте — он не говорит по-английски. Вообще. И его горничная тоже.

— Кэш или кредит карта? — с видом местного царька вопрошает владелец, уставившись в переводчик на своем телефоне.

— Карта конечно, — я еле сдерживаю раздражение, глядя на этого неприятного типа.

За маленьким, захламленным столом в крошечной комнатухе, набитой стопками полотенец и простыней, он сидит, словно типичный работник совкового ЖЭКа. По назойливому лепету и его многозначительной жестикуляции я догадываюсь, что ему бы сильно хотелось именно кэш. Хотеть не вредно. Я не стану рисковать с подобным типом. Спокойнее иметь в кармане чек и официальную транзакцию.

— Я предпочитаю расплатиться картой, — с нажимом повторяю я.

— No cash? — настаивает он на своем, бесцеремонно меня разглядывая.

Что значит — нет кэша?! Я ехала путешествовать в другую страну, конечно, у меня есть немного наличных на всякий случай, но это его никак не касается.

— Only a credit card! (только кредит карта (англ.)) — заявляю я уверенно.

Уловив, что выхода у него нет, владелец «Питто» мастерит на своем лице подобие улыбки, и, глубоко порывшись в ящике, таком же захлавленном, как и его стол, выуживает оттуда аппарат для безналичной оплаты. Нарочито не торопясь, проводит в нем моей картой, потом долго вертит аппарат в руках, делает какие-то непонятные манипуляции, и церемонно возвращая мне кредитку, похоже, пытается объяснить, что, толи аппарат не работает, толи что-то не так с моей картой. А мне тут же на телефон приходит сообщение, что с моего счета списаны деньги за оплату отеля.

— l'operazione è negativa! Negativa! (Операция отрицательная (итал.)) — лопочет он по-итальянски.

Мне всегда нравился итальянский язык, но не в этом случае. Владелец отеля машет передо мной чеком, выуженным из аппарата, тычет в мелкий и непонятный текст пальцем, тут же рвет чек на мелкие кусочки, и бросает обрывки в корзину.

— Negativa, negativa! — победоносно, как

мантру, твердит этот странный человек.

Явно понимая, что он что-то химичит с моей проплатой, я начинаю злиться. Молча отворачиваюсь, и набираю номер банка, благо у моей карты индивидуальное обслуживание.

— Добрый день Александра Андреевна, — как бальзам на душу звучит вежливый голос менеджера банка, — только что с вашего счета была произведена оплата в евро, отель «Питто», транзакция прошла успешно, но деньги еще в блоке. Можем отменить.

— Отменяйте! — решительно командую я.

Негатива, так негатива! Ухожу отсюда. Сейчас вернусь в кафешку к запекателям бананов, думаю, они подскажут, где в городе можно снять приличное жилье. В крайнем случае, позвоню Филиппо, или быстро пробегусь по «Букину». День на дворе, до вечера подыщу что-нибудь.

Но тут вдруг с хозяином отеля стала происходить странная метаморфоза. Он резко поднялся со стула, услужливо наклонился вперед, и благодушно расплылся в улыбке, сложив пухлые ладони на груди.

— Signora, non c'è problema! (Сеньора, нет проблем (итал.)) — растягивая последние слоги, дружелюбно произносит он.

Как по волшебству, он, все так же приторно улыбаясь, живо достает из ящика стола ключ, и с

радушным видом протягивает его мне.

— Tutti deciderà domani, (мы все решим завтра (итал.)) — уже совсем ласково говорит он, — Per favore, bevi caffè, rilassati. (Пожалуйста, выпейте кофе и расслабьтесь (итал.))

Domani — означает завтра, это слово я знаю, я внимательно пробежалась по разговорнику перед поездкой. Похоже, он предлагает мне располагаться в номере и решить все проблемы завтра. Вот, жук! Понял, что я собираюсь убраться отсюда, и теперь не хочет терять клиента.

Хорошо бы уйти. Но я реально устала. Сейчас единственное желание бросить, наконец-то, свой чемодан, и принять горизонтальное положение, хотя бы на час.

— Как далеко отсюда море? — задаю я решающий вопрос, — mare? — зову на помощь итальянский разговорник.

— Mare! — радостно подскакивает уже совсем радужный владелец, бесцеремонно хватая меня за локоть и тащит в коридор.

Быстро одернув локоть, нехотя выхожу в коридор, а он там уже торопливо открывает дверь одной из комнат. Чинно пропустив меня вперед, он показывает уютный светлый номер, со свежим ремонтом. На широкой добротной кровати лежат халат и футболка, в углу брошены чемоданы. Ясно, что здесь кто-то живет, но странный владелец,

ничем не смущаясь, идет через комнату на балкон, и из-за плотной шторы немислимыми жестами просит меня выйти туда же.

В чужой комнате, среди чужих вещей чувствую себя довольно неловко. С большой неохотой выхожу на балкон, и сразу же щурюсь от слепящего солнца. Меня с головой накрывает волна яркого света, и теплый душистый ветер ударяет в лицо. Через мгновение, разлепив веки, я вижу все, как на ладони... Бирюзовое побережье во всей красе плавным полумесяцем сверкает между двумя красивейшими горами, образующими неглубокую бухту. Одна гора невысокая, пологая, сплошь укрытая яркой зеленью, а вторая большая, скалистая, напоминающая огромную каменную голову. Ярко-желтые пляжи в некоторых местах завалены черными валунами, врезающимися в изумрудную воду. Вдоль всего побережья уютно раскинулся живописный городок со старыми, даже древними постройками, и остроконечными шпилями нескольких соборов. То тут, то там, в их архитектуру ловко вписаны элегантные здания больших современных отелей. Вся картина города утопает в цветах и зелени.

Вот где заканчивается тоннель! От невзрачной будничности вокзальной станции, вдоль длинной каменной улицы, через пять этажей серого подъезда, здесь, с тесного балкона странного

маленького отеля, перед моими глазами — остров тысячи красок!

И все изменилось... Чудаковатый хозяин «Питто», понимая, какое впечатление произвела на меня восхитительная картина побережья и города, торжественно и забавно выпятил свою гордую грудь, плавно переходящую в круглый живот, как будто эта красота — его личная заслуга. Но уже, сейчас он не кажется мне таким мерзким и агрессивным. Скорее смешным.

— А-алекса-андра... — повторяет он.

Растягивая гласные в моем имени, он делает ударение на первый и третий слог, и тут же, представляясь, бьет себя в выпяченную живото-грудь:

— Ма-аро!..

Моя комната оказалась небольшой, очень чистой, в ярко-розовых тонах, с видом, противоположным побережью — на горы, но тоже очень красиво — цветущие апрельские горы во все два огромных окна. В дверь сразу же поскреблась неприятного вида, худощавая женщина. Горничная, как я понимаю. Хотя, почему неприятного? Она не красавица, конечно, и в первые минуты встречи, что-то в ее взгляде показалось мне даже хищным, но сейчас, ее услужливая улыбка во весь рот и сутулая, худая фигура с подносом в руках, в сочетании с хриплым, почти мужским басом,

воспринимаются очень даже комично.

— Caffè, per favore, signora, (Пожалуйста, кофе, Сеньора (итал.)) — хрипло пробасила она, и поставила на стол дымящуюся чашечку кофе и маленькое блюдце с круассаном.

По комнате тут же растекся одуряющий запах свежесваренного эспрессо, расслабляя и настраивая на лирический лад. Ок-кей, буду осваиваться! Нет никакого желания тратить время и силы, концентрируясь на странных мелочах. Главное, я здесь — на Сицилии! Возможно, первое неприятное впечатление о людях в этом отеле — всего лишь усталость после переезда. Может, их странность — это и есть местный сицилийский колорит, и, на самом деле они добрые и гостеприимные хозяева, но, просто другие?

Бывает всякое...

Глава 8

Гастроли

Днепровская филармония к вечеру совсем опустела. Тихие залы устало притихли после будничных репетиций.

— Ты опять сидишь до ночи? — Иващенко просунул свою лысую голову в приоткрытую дверь аудитории, — Идем домой.

Сергей не спеша укладывал отливающую

медью трубу в черный футляр, обитый изнутри красным бархатом.

— Я уже закончил, — спокойно ответил он приятелю.

— Чего это ты кислый такой? У нас же все наконец-то срослось! — подошел Иващенко к нему.

Сегодня Богдан Иващенко сиял от удовольствия. Им, наконец-то, подтвердили долгожданный план европейских гастролей, и он с трепетом представлял, как, уже через несколько дней, будет стоять во втором ряду со своей скрипкой на сцене Венского и Берлинского театров. Там их оркестр еще не выступал.

— Да, отлично, директор мне сказал, — слегка улыбнулся Сергей.

— Представляешь, и в Вене, и в Берлине — яркие афиши, а на них большими буквами: «Заслуженный артист Украины, трубач Сергей Велоненко и Камерный Оркестр Днепроградской филармонии», — Иващенко лихо прищелкнул пальцами.

— Да, говорю же — отлично. Хоть заработаем нормально, — кивнул ему Сергей, быстро накидывая свой дорогой черный плащ, привезенный из прошлогоднего парижского турне. Направляясь к двери, он спросил Богдана, — мы с тобой сегодня как?

Мужчины вышли из музыкальной аудитории,

и по тихому коридору филармонии направились к выходу.

— Зайдем, конечно! — с готовностью ответил ему Богдан, повнимательнее присматриваясь к Сергею, — А то, я смотрю, кое кому нужно срочно поправить настроение.

Они заняли привычный столик у окна. Это кафе удачно называется «Театральное», так как располагается как раз в районе между филармонией и двумя главными театрами Днепра: Оперным и Театром имени Горького. В кафе постоянно заседает театральная публика — актеры и музыканты. Да и почитатели их талантов, из тех, кому повезло прознать про это богемное местечко, иногда заглядывают поглазеть на артистов. Заведение достаточно заурядное, прокуренное, со стандартными квадратными столами по всему залу, покрытыми плотными, видавшими виды скатертями, освещенное тусклым, или, как бы выразились высокопарные артисты, приглушенным светом. Но, здесь всегда чисто, тихо, основная публика — все друг друга знают. И еще, здесь стены полностью увешаны картинами местных художников. Среди них иногда попадаются вполне интересные, что делает атмосферу кафе глубоко творческой.

— Ну, и чего ты до сих пор киснешь? — спросил Иващенко, шумно отхлебывая пивную

пену из большого граненого бокала.

— Саша улетела в Италию, — глядя перед собой, последовал его примеру Сергей.

Он поднял бокал, и сделал долгожданный глоток.

— Чего это вдруг? — то ли удивленно, то ли возмущенно спросил скрипач.

— Понятия не имею, — спокойно ответил Сергей.

— У нее что, мужик там? — подозрительно прищурился Иващенко.

— Сказал же, я понятия не имею, — с легкой досадой отмахнулся Сергей, — она заявила, что хочет увидеть Сицилию.

— А чего именно Сицилию, — уточнил Богдан.

— Хороший вопрос... — задумчиво выдохнул Сергей, и, после очередного холодного глотка, добавил, — Ты знаешь, у меня такое впечатление, что она и сама толком не знает.

— Ну, Саша твоя всегда была барышня загадочная, — взмахнул рукой Иващенко, — мужик там у нее, говорю тебе! С чего бы ей рваться за границу одной одинешеньке. Раньше она, кажется, с тобой ездила?

— Она уже не моя! — угрюмо буркнул трубач, — Ну, как «ездила»? Если это можно так назвать. На все мои конкурсы и гастроли по Европе

приезжала. Не знаю считается ли это.

— Все считается, — со знанием дела хлопнул ладонью по скатерти Иващенко.

— Если все считать, Богдан, то вообще-то неизвестно, кто кому больше... — вдруг печально заявил Сергей, — ты же помнишь, что было шесть лет назад...

— Помню, — потрянул головой Иващенко.

Прятели немного помолчали. Официантка принесла им по второму бокалу, и поменяла уже до краев наполненную окурками пепельницу.

— Скажем так! Саша хороший психолог, и женщина тоже красивая... Но это не ее заслуга! — вдруг громко выкрикнул Иващенко, — Вернее, не только ее! Ты, конечно, расцвел, Серега, за это время, не спорю. Но только потому, что ты талант и трудяга, а не потому, что она с тобой что-то сделала.

— Она мне полгода сопли вытирала... Помнишь? — вдруг дрогнул голос у Сергея, — Я на трубу вообще смотреть не мог! Две дороги было — или спиться, или со сцены уходить. А с ней, крылья за спиной выросли... Я ж тогда и в Европу стал выезжать, и «заслуженного» получил. Она была рядом, Богдан, понимаешь... С ней я мог классно играть.

— Постой! — вдруг встрепенулся Иващенко, и уставился на Сергея помутневшими от пива

глазами, — Ты что же, боишься, что без нее ты провалишься в Вене? Ты поэтому сейчас так психуешь?

Иващенко ударил не в бровь, а в глаз. Сергей до последнего не хотел признаваться себе в этом страхе. Все успокаивал себя мысленно, что любовная история с Александрой и его творческая работа — это разные, не зависящие друг от друга вещи. А его талант и профессионализм — свободны, и снова подчиняются только ему. Но, он помнил. Он помнил оглушительные, возмущенные выкрики из зала. И свист. Свои парализованные пальцы, намертво вцепившиеся в холодную медь инструмента. Сжатое, тяжелое дыхание, которое вот-вот разорвет его легкие. Глаза коллег за кулисами, редко недоумевающие, а в основном — злые, презрительные и даже злорадствующие. Почти шесть лет назад... Это был важнейший в его музыкальной судьбе концерт, который он, как солист, оглушительно провалил. Это был Киев, центральная сцена страны. И тогда, Сергей перестал играть. Он вообще не мог что-либо делать. Пока в его жизни не появилась Саша.

— Слушай, ну, тогда, может, женись на ней, если для тебя это так важно! — вдруг осенила Иващенко гениальная мысль.

Сергей криво ухмыльнулся своим красивым, по-мужски чувственным ртом, и нервно чиркнул

зажигалкой.

— Она отказалась, — невесело признался он.

— В смысле? — глупо захлопал глазами Иващенко.

— Слушай, смысл какого из двух слов моего ответа тебе не ясен? — раздраженно огрызнулся Сергей.

Иващенко пропустил мимо ушей его раздражение.

— То есть, ты был готов все бросить ради нее, а она отказалась? — с недоумением почти выкрикнул Богдан.

— Да, — с горечью кивнул Сергей, — наотрез.

— То есть, спать она с тобой была согласна, а носки тебе стирать — нет? — возмущенно наступал на него уже хорошо захмелевший Богдан, — Ну и пойми же этих баб...

— Вообще-то, носки я себе сам стираю! — проворчал уже тоже не слабо подвыпивший Сергей.

— Серега, может это из-за детей? — осторожно спросил Иващенко.

— Может... — тихо вздохнул трубач, и попросил у официантки счет.

Они вышли из кафе последними. Сергей поймал такси и поспешил домой. Было поздно, но Лена еще не спала. Он сразу это понял по горящему окну их кухни. Сергей тихонько вошел и разулся в

темном коридоре, стараясь не шуметь. Первым делом прошмыгнул в ванную, а оттуда, через коридор, в детскую, где спал Антошка. Как и положено семилетке, его сын запинал свое детское одеялко под стену и, разбросав тонкие ручки и ножки по всей кровати, мирно сопел после суетного и веселого дня. Сергей осторожно погладил сына по белокурым завиткам на макушке и вышел из детской. К своей старшей дочери он уже давно не заходил без спроса, подростки блюдут свою личную территорию с воинственной ревностью.

Глубоко потянув носом воздух, пропитанный ароматами чего-то вкусного, Сергей поспешил на кухню.

— Наконец-то, — весело проворковала Лена, завершая последние кухонные манипуляции с посудой, — еще 5 минут, и ты бы ужинал в одиночестве.

Сергей быстро подошел, и крепко обнял жену:

— Не-ет Ленка! Ты же знаешь, я ненавижу есть один.